

Намё всё

Фёдор
Раззаков

Олег
Набаков

Либеральный русский театр

Наше всё

Федор Раззаков

Олег Табаков.

Либеральный русский театр

«Алисторус»

2018

УДК 82-312.6
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Раззаков Ф. И.

Олег Табаков. Либеральный русский театр / Ф. И. Раззаков —
«Алисторус», 2018 — (Наше всё)

ISBN 978-5-907024-16-8

Народный актер, любимый педагог, известный режиссер, театральный и общественный деятель Олег Табаков – фигура, о которой интересно поговорить. Про него хочется знать больше. О счастливом детстве в Саратове. О первых годах в Москве. О том, легендарном, «Современнике». О «Табакерке» и о МХТ им. А. П. Чехова. О кино. И конечно же, о поездках, о встречах, о расставаниях... В книге Федора Раззакова изложены факты, приведены детали, забавные истории, тонкости взаимоотношений, разные точки зрения – рассказано всё без купюр. Выводы пусть делает читатель.

УДК 82-312.6
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907024-16-8

© Раззаков Ф. И., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Часть первая	5
Довоенное детство, или Неизведанный	5
Война: первая любовь и дебют на сцене	6
Уход отца	9
Мимо шпаны в театр	10
Жажда публичности	11
Неравная любовь	12
Еврейский отчим, или Двойная жизнь Олега Табакова	13
Школьные годы	14
В Москву за славой, или Саратовский Везунок	15
Школа-студия	17
Муки новой любви, или В клане Серовых	20
Театр-студия «Современник»	21
Дебют в кино со скандалом	26
Несостоявшаяся «Матросская тишина»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Федор Раззаков

Олег Табаков. Либеральный русский театр

Часть первая

В поисках радости

Довоенное детство, или Неизведанный

Олег Табаков родился 17 августа 1935 года в Саратове в семье врачей (в его родословной намешано четыре крови: русская, мордовская по отцу украинская и польская по матери). На момент рождения сына его отцу Павлу Кондратьевичу Табакову было тридцать два года, а матери, Марии Андреевне Березовской, на год меньше. Причем у каждого из них за плечами уже было не по одному браку. У матери нашего героя он был уже третьим по счету, у отца – вторым. И у каждого из них уже было по ребенку: у нее – дочь Мирра, у него – сын Женя. Поэтому скорое рождение очередного отпрыска в их планы явно не входило. Больше всего этого не желала Мария Андреевна, которая в ту пору училась на 5-м курсе медицинского факультета и мечтала закончить институт. А тут вдруг эта неожиданная беременность. В итоге от ребенка решено было избавиться. В ту пору сделать аборт еще не считалось преступлением (запретят их только через год), поэтому именно в 1935 году в этом деле случится небывалый всплеск – количество аборт в стране достигнет отметки в 1,9 миллионов. В это число должен был войти и аборт Марии Табаковой. Случись это – и не было бы на свете ни знаменитого артиста Олега Табакова, ни этой книги. Но судьбе было угодно, чтобы случилось противоположное. Как верно заметит много позже сам герой нашего повествования:

«Меня старались, как бы это сказать... извести. Но не тут-то было. Поэтому живучесть, бойкость и развитый инстинкт самосохранения считаю своими врожденными качествами...»

Первые детские воспоминания у Табакова относятся к раннему детству – к трем-четырем годам. И, как и полагается, эти воспоминания сплошь светлые. Ведь окружали его любящие люди: мама, папа, две бабушки – Оля и Аня, мамин брат дядя Толя и его жена Шура, сводные брат и сестра – Женя и Мирра. По словам О. Табакова:

«Мы жили в коммуналке на втором этаже так называемого "бродтовского" дома на углу Мирного переулка и улицы 20 лет ВЛКСМ, ныне опять Большой Казачьей. Когда-то дом принадлежал известному саратовскому врачу, доктору Бродту. После революции его, естественно, реквизируют и устроили коммуналки. Квартира наша состояла из семи комнат... В последней жили мы: мама, я и Мирра (дочь Марии Андреевны от первого брака. – Ф.Р.).

Мама владела огромной комнатой в сорок пять метров, а отцу, по стечению обстоятельств, удалось заполучить двадцатиметровую комнату за стеной. Входы в родительские квартиры были через разные подъезды, поэтому их комнаты сообщались... через книжный шкаф. На верхних полках стояли книги, а внизу была дыра, через которую я свободно дефилировал из комнаты в комнату.

Меня почему-то очень манило пространство под лестницей в подъезде, ведущей с первого на второй этаж. Быть может, потому, что летом в Саратове очень жарко, а там было прохладно. Бабушка Оля постоянно твердила: "Леленька, нельзя выходить из дома, когда темно. Там шпана под лестницей". Шпаны, конечно, у нас в доме не водилось. Иногда жена не пускала пьяного соседа домой, и он ночевал там. Отчетливо помню, как позже уже сам говорил кому-то из приятелей: "Туда низя, там сапана под лестницей..."»

Война: первая любовь и дебют на сцене

Детство будущего актера протекало так же, как и детство миллионов советских мальчишек военной и послевоенной поры, да еще из простых семей: босо и голодно. Особенно тяжело было в войну, начало которой Табаков застал в шестилетнем возрасте. Уже в июне 1941 года его отец ушел добровольцем на фронт – стал начальником военно-санитарного поезда № 87. Объездил почти все фронты. Был на Кавказе, на Южной Украине, под Сталинградом, в Румынии. Поезд перевозил раненых с передовой в тыл, нередко становясь мишенью для воздушных бомбардировок.

Олег Табаков в молодости

Вообще вся семья Табаковых была насквозь медицинской. Врачи – отец, мама (в войну она была капитаном медицинской службы, работала в эвакогоспитале под Волгоградом), тетя Шура. В медицину пошли двоюродный брат Олега Сергей, а также сводный брат Женя, сестры Мирра, Люся, Наташа. И их дети – тоже.

В конце 1942 года мама Табакова заболела брюшным тифом и едва не умерла. А когда все-таки выкарабкалась из инфекции, все равно из-за истощения долго не могла встать на ноги, потому что каждый появляющийся в доме съестной кусочек она совала сыну или дочери Мирре. И только когда приходила баба Катя (мать тети Шуры) и приносила в кастрюльке бульон, сваренный из четверти курицы, мама съедала его сама, поскольку баба Катя сидела рядом и не давала ей делиться с детьми.

Между тем еще в четырехлетнем возрасте Олег научился читать и в войну только и делал, что все свободное время посвящал чтению. В те годы он прочитал «Мертвые души» Николая Гоголя, «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, «Стальной коготь» Эль Регистана (соавтор С. Михалкова по гимну СССР), сочинения Шиллера, а также жизнеописания Суворова, Кутузова, Багратиона, Барклая де Толли, Нахимова, Корнилова, Синявина, Макарова. Последние книги были еще марксовские, дореволюционные, очень красочные издания.

Чтобы мама Табакова поскорее поправилась, его дядя сестру... в действующую армию, где давали пайки, и у Марии Андреевны появилась возможность кормить сына с дочкой. Весной 1943 года она увезла их из Саратова в городок Эльтон на одноименном озере, расположенном на севере Прикаспийской низменности, откуда только что отогнали немцев. Там, в госпитале № 4157 (мама Табакова работала врачом-терапевтом), они проживут два года.

Кстати, именно там герой нашего рассказа испытал муки первой любви и впервые вышел на сцену Как это было?

В возрасте восьми лет Табаков отправился в первый класс эльтонской школы. И его соседкой по парте была Маруся Кантемирова, с которой они вдвоем читали одну книжку – немецкую сказку «Розочка и Беляночка». Вот во время этих совместных чтений Табаков и влюбился в свою соседку. Однако без взаимности.

А что касается сценического дебюта, то он случился... в больничной палате, где Табаков выступал перед ранеными солдатами. Ему доверили маленькую роль в довольно грубом военном скетче, где у него была всего одна фраза: «Папа, подари мне пистолет!» Эту реплику он и канючил на всевозможные лады в каждом спектакле, в чем весьма и преуспел, судя по тем аплодисментам, которыми его одаривали раненые советские солдаты.

Уход отца

Тогда же юный Табаков испытал и первую в жизни потерю. В 1945 году умерла его баба Оля. Наверное, самый дорогой для него человек. Ведь это именно она приняла его из роддома, полуживого, паршивого, всего в диатезе, и выходила. Она была его главной заступницей. Если вдруг отец – очень редко – поднимал на сына руку, баба Оля всегда заступалась за внука. Еще она постоянно молилась за него, не таясь, у себя за загородкой, хотя иконы в комнате не было – икону ей заменял «красный угол».

Второй потерей для будущего артиста стал уход из семьи отца. В ту пору Олегу было 13 лет. Почему это произошло? Может быть, потому, что мама Табакова решила остаться с детьми в Саратове и не поехала с мужем на фронт, хотя тот очень желал этого. В итоге супруги все сильнее отстранялись друг от друга. И хотя первое время Павел Кондратьевич еще писал жене нежные письма (цитируя в них наизусть любимого Пушкина), то постепенно письма стали приходить все реже и реже. А когда отец Табакова устал от холостой жизни, он нашел себе другую женщину – Лидию Степановну которой на тот момент было чуть больше двадцати, а Павлу Кондратьевичу в конце войны шел 41-й год (в общей сложности у него будет пять жен!). Но, даже несмотря на это, его сын пронесет через всю свою жизнь любовь и уважение к отцу. По словам О. Табакова:

«И по сей день отец остается одной из самых значимых человеческих фигур в моей жизни.

Деловые свойства – работоспособность, организованность, умение многое держать в голове и очень редко ошибаться, – конечно, унаследованы мною от него. Отец был, по сути дела, русским интеллигентом в первом поколении. Что-то чеховское было в основе его жизненной философии, его нравственности. Ирония как душевная потребность, самоирония как броня и защита от внешнего мира, а с другой стороны, как чрезвычайно продуктивный творческий метод – все подвергать сомнению. Человеческое достоинство он умудрялся не терять ни в повседневной жизни, ни на войне. Умница, спортсмен, хороший шахматист, он был тем самым аккумулятором, от которого заводились люди, машины, женщины и дети... Вспоминая о его способности увлеченно и доступно говорить о химии, его ночные беседы с моим старшим сыном Антоном, я с горечью думаю: Господи, как же у него не дошли руки написать что-то увлекательное для детей и юношества...

И пусть на жизненном пути он, может быть, достиг не слишком больших успехов, это вовсе для меня не есть показатель его потенциала. Потенциал отца был в удивительной трезвости суждений. Он никогда не говорил о том, чего не знал. Я даже не могу себе представить его, суесловящим на темы, которые, ну как бы это сказать, не входили бы в сферу его компетентности. И наоборот: мера его компетентности в своей профессии была очень высока. Ну не зря же сотрудники говорили: "Если чего не знаете, спросите у Павла Кондратьевича". Все, кто хотя бы немного общался с отцом, называли его "живой энциклопедией" – так велик и точен был объем его знаний. Господи, как бы я хотел пожелать сыновьям своим успеть насытиться мною, ибо чем дольше я живу, тем больше понимаю, как мало я был с отцом – и с матерью тоже, но с отцом особенно. И если было у кого поучиться человеческому достоинству, то прежде всего у него. Судьба посылала ему серьезные испытания, и нельзя сказать, что его жизненный путь был составлен из одних побед – нет, но, наверное, было что-то магическое в этом человеке, что, по сути дела, и есть человеческий талант...»

Мимо шпаны в театр

После ухода отца Табаков-младший едва не погиб. По его же словам:

«Помню, как в конце сороковых годов ехал по Саратову на подножке трамвая № 6, как раз мимо кинотеатра "Ударник". Трамвай разогнался, и вдруг я почувствовал, что правая нога соскальзывает вниз, под колеса. Все могло кончиться самым печальным образом, если бы не железная рука неизвестного майора, вдруг втащившая меня, как щенка, за шиворот обратно в трамвай...»

Между тем, оставшись без строгого отцовского присмотра, наш герой довольно скоро нашел себе друзей среди местной шпаны. Явление, в общем-то, весьма распространенное в те годы. Многие мальчишки, познавшие горечь безотцовщины, становились тогда объектом пристального внимания со стороны преступников и легко попадались на их удочку. Не стал исключением и Табаков. И кто знает, как в дальнейшем сложилась бы его судьба, если бы добрые люди не рассказали его матери, с кем связался ее единственный сын. Узнав об этом, мать нашего героя вовремя забила тревогу и сделала все от нее зависящее, чтобы отнять сына у улицы. В один из дней она взяла Олега за руку и решила отвести его в драматическую студию при городском Дворце пионеров. Почему именно туда? Дело в том, что Саратов считался городом театральным и большинство его жителей с трепетом относились к сценическому искусству. Любил театр и Олег. Особенно он обожал местный ТЮЗ, в котором он пересмотрел почти все его постановки, включая «Молодую гвардию», «Воробьевы горы», «Ее друзья» и др. Видимо, мать прекрасно знала об этом его увлечении, поэтому и привела сына в соответствующий кружок, которым руководила опытный педагог Наталья Иосифовна Сухостав. Кружок назывался... «Молодая гвардия».

По словам самого Табакова, в тот день он прочитал стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...», однако это чтение не произвело на Наталью Иосифовну приятного впечатления. Голос у Табакова был тихий, и многих слов расслышать было просто невозможно. Брать его в студию с такими данными было не за что, и Сухостав его наверняка бы не взяла. Однако, кроме того, что она была педагогом, она была еще и женщиной, которая, видимо, прекрасно поняла, какая именно нужда привела молодую маму и ее сына в студию. Поэтому ее ответ был положительным.

Став учеником студии (занятия проходили три раза в неделю), Табаков довольно быстро освоился в ее стенах и уже через несколько месяцев стал одним из ведущих актеров, исполнив сразу несколько заметных ролей. Среди них были: Сказочник в пьесе-сказке Е. Шварца «Снежная королева», Ленточкин в пьесе А. Барто «У нас экзамены», Валерий в пьесе С. Михалкова «Красный галстук» (в последнем он играл отрицательную роль – зазнавшегося сынка-эгоиста). Как вспоминает ныне известный адвокат Г. Резник: «С Олегом мы учились в Саратове. Я в 19-й школе, он в 18-й. Он уже тогда был знаменитостью в городе, потому что рано начал демонстрировать артистические способности...»

Кстати, став знаменитым артистом, Табаков никогда не забывал свою первую сценическую учительницу – Наталью Иосифовну Сухостав. Он регулярно посылал ей открытки всех уголков планеты, куда его забрасывала актерская судьба. А когда раз год он навещался в родной Саратов, то обязательно навещал своего педагога в ее коммунальной квартире на улице Дзержинского. И единственное, о чем жалел Табаков – что не смог заставить секретаря Саратовского обкома поменять маленькую неустроенную жилплощадь Натальи Иосифовны на нормальную квартиру.

Жажда публичности

Итак, попав в театральную студию, Табаков быстро там преуспел – стал местной знаменитостью. А все потому, что в нем с юных лет жила ЖАЖДА ПУБЛИЧНОСТИ, которая проснулась в нем довольно рано – лет примерно с одиннадцати. Уже тогда он распахивал окно своей комнаты на втором этаже и скликал народ со всего двора. Зачем? Он спускал им на ниточке игрушки и подарки. И указывал: «Это – вот тебе. А это – тебе!» И делал он это неспроста – он хотел, чтобы вокруг него собиралась АУДИТОРИЯ. Это были люди, над которыми он властвовал, чье внимание приковывал.

Еще у него сизмальства было еще одно важное свойство, без которого очень трудно стать профессиональным актером, – природная память. Поэтому никогда у него не возникало проблем с заучиванием текста. Как рассказывает сам актер:

«Я могу перечислить подряд всех Генеральный секретарей ООН. Или рассказать историю политических переворотов в Бразилии: пятьдесят лет тому назад президент Бразилии Жанио Куадрос порвал со своим правительством. Правительство стало воевать против него. А вице-президент Жоао Гуларт сбежал из страны на корабле. И так далее...

Наверное, если бы не было у меня верного куска хлеба в театре и кино, мог бы принимать участие во всевозможных телесоревнованиях так называемых эрудитов – людей, отягощенных множеством совершенно ненужных в нормальной жизни знаний. Теперь там весьма приличные призы и гонорары...»

Неравная любовь

В седьмом классе Табаков пережил свою первую НАСТОЯЩУЮ любовь. Коллизия была почти трагическая и... неправдоподобная. Почему? Дело в том, что пассией семиклассника стала... его учительница. Причем об этой неравной любви (учительнице было 34 года, а Табакову – всего 14) в школе многие знали. Это сильно поражало воображение наблюдавших: как так – такая красивая, сексапильная женщина, желанная для всех учеников класса, выбрала объектом своего внимания этого тщедушного, с шеей тридцать пятого размера подростка. К тому же у нее был муж, который служил не кем-нибудь, а являлся сотрудником саратовского горкома. Как вспоминает сам О. Табаков:

«Тут важна очевидность того, что уже в четырнадцать лет я был готов испытать это – любовь, страдание, страсть. Чувство. Ведь мне представлялось, что эта женщина станет моей женой. Рано разбуженная чувственность, предельная эмоциональность, расшатанность нервной системы – все то, что спустя всего несколько лет оказалось столь необходимым в первых шагах актера. Как говорят в Жмеринке, все было подготовлено "из раньше". Вне живых эмоций нет артиста.

Мне с самых ранних лет было знакомо ощущение "в зобу дыханье сперло". Когда выступают слезы от избытка чувств. Я ревел, когда Лемешев пел: "Скажите, девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю, о ней мечтаю..." От экзальтации чувств. Кто-то скажет: это сентиментальность. Мне кажется иначе. Это растревоженность рано проснувшейся эмоциональной натуры. Как будто кто-то перышком по сердцу скребет нежно-нежно, а ты его подставляешь, подставляешь... А потом уже сам бежишь за этим самым перышком. Не можешь без этого жить. Для меня, как для профессионала, такое засасывающее удовольствие – сцена. А в детстве, в юности, это был поиск чувств. Погоня за эмоцией: "и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет". Никак не меньше...».

Но что же стало с той неравной любовью? А ничего – она закончилась так же внезапно, как и началась. Хотя сам Табаков в своих воспоминаниях о ее концовке ничего не пишет, что дает повод к тому, чтобы сделать вывод: скелеты в шкафу у этой истории, видимо, остались.

Еврейский отчим, или Двойная жизнь Олега Табакова

Рано пережив страстную любовь, Табаков столь же рано разуверился в... Советской власти. Вот его собственные слова: «Когда мне было четырнадцать лет, мой дядя, дядя Толя, подвел меня к окну, из которого виден был висящий напротив портрет Иосифа Виссарионовича Сталина, и сказал: "Вот этот слепоокий погубил двадцать миллионов жизней". С тех пор я живу двойной жизнью...»

Помимо дяди в этом направлении Табакова просвещал еще один родственник – его еврейский отчим. Он был архитектором, а звали его Самуил Борисович Клигман (кстати, вторым мужем мамы Табакова тоже был еврей – Гуго Юльевич Гольдштерн, от которого на свет в 1927 году появилась дочь Мирра). Отчим многому научил своего пасынка, многое ему дал. Однако в 1951 году Клигмана арестовали. За что? Он слушал по радио «Голос Америки» и читал газету «Британский союзник». За это его приговорили к лагерному сроку за «попытку свержения советской власти». Таким образом, потеряв отца, Табаков вскоре лишился и отчима. Правда, ненадолго – всего лишь на три года. Но именно в эти годы Табаков едва сам не «загрел» на нары. Видимо, общение с отчимом не прошло для него даром. Поэтому, когда Самуила Борисовича арестовали, это событие произвело на юного Табакова шоковое впечатление. Настолько сильное, что он решил... мстить Советской власти за этот арест. Каким образом? Он загорелся идеей создать подпольную организацию, в которую предложил войти нескольким своим товарищам. Но те отказались. Согласился лишь один, причем он был... евреем – Юрий Гольдман. Идя по стопам декабристов, заговорщики сочинили аналог «Русской правды» Пестеля. Однако осуществить свои мечты – «скинуть» Советскую власть – они не успели, поскольку их быстро разоблачили. Был грандиозный скандал в школе. Учитель физкультуры (он же ее парторг) громыхал в директорском кабинете: «Русский мальчик Табаков не мог сам до такого додуматься! Это все дурное влияние Гольдмана!» На самом деле это было влияние другого человека – табаковского отчима Самуила Борисовича.

Эта история не стала достоянием широкой общественности только по одной причине: руководство школы пожалело мальчишек. Да и себя тоже – ТАКОЙ сор из избы выносить было опасно. В итоге оба заговорщика остались в школе.

Кстати, ни Табаков, ни Гольдман не знали (в СССР об этом молчали), что согласно «Русской правде» должен был быть решен и «еврейский вопрос». Каким образом? Читаем Википедию:

«Интеграция евреев, в силу их национальных и конфессиональных особенностей, рассматривалась как значительная проблема планируемого государства: "Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для Христиан влияния тесной связи Евреями между собою содержимой ими противу Христиан направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей".

Предлагались два варианта решения этого вопроса. Либо достижение договоренности с представителями еврейской общины: если "Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христианам". Либо сбор 2 миллионов евреев России и Польши, которому должны быть приданы армейские части, с последующим переселением их на территорию азиатской Турции и созданием там еврейского государства...»

Школьные годы

Итак, Табаков продолжил учебу в мужской средней школе № 18 города Саратова, которая была одной из трех лучших в городе. А самой лучшей считалась та, что напротив – школа № 19, где учились дети большого начальства, «золотая молодежь». К примеру, уже упоминавшийся чуть выше известный адвокат Генри Резник (1938) учился именно там, поскольку у него были соответствующие родители: отец – Марк Израилевич Резник (1905–1969), работал ректором Саратовской консерватории, заведующим отделом культуры Саратовского обкома КПСС, директором музыкальной школы Заводского района Саратова, а мать – Мирра Григорьевна Рафалович (1910–2004), преподавала фортепиано в Саратовской консерватории.

Но вернемся к Олегу Табакову.

Учился он не слишком хорошо, а последние три класса и вовсе перестал учиться, поскольку с головой ушел в театральную самодеятельность. Химия, физика, математика – все это был для него темный лес. Спасибо Маргарите Владимировне Кузнецовой, классному руководителю, которая, собственно, и тянула Табакова все эти годы и помогла ему окончить школу.

В классе будущего актера любили за то, что он был домашним мальчиком, не особо компанейским. Одни звали его «Алешей», другие – «профессоренком» за его отменную память, которой он козырял направо и налево. Поведение у него всегда было дисциплинированное, и учителя проблем с ним не знали. Проблемы им доставляли совсем другие «герои», про которых сам Табаков вспоминает весьма откровенно:

«Среди нас был парнишка – просто кавалер всех орденов Славы в наших глазах: он прямо в классе баловался онанизмом. Так, чтобы все это видели. И зачем-то это дело еще мазал чернилами. Почище, чем у Феллини будет, у которого в "Амаркорде" просто автомобиль дрожит. Всем было неловко, но смешно. Мы восхищались его отвагой, его беззастенчивой шкодливостью, смелостью, которая мне лично была неведома. Однажды за этим занятием его застукала англичанка, которая обычно не выходила из-за стола, потому что была на седьмом месяце беременности. А тут вдруг выползла, ну и... В общем, его отчислили. Но он еще показал себя. Туалет в нашей школе был общим для школьников и педагогов, "педагогическая" часть отделялась лишь невысокой перегородкой. Так вот, он подкараулил момент, когда директор пошел в туалет, быстренько навалил на дощечку и, рассчитав угол падения и угол отражения, запустил этот маленький презент в потолок ровнехонько над директором. Попал...»

В Москву за славой, или Саратовский Везунок

Окончив 10 классов средней школы в 1953 году, Табаков надумал ехать в Москву учиться на артиста. По его словам: «Мне было и страшно, и интересно. Потом я очень сильно хотел быть артистом... На вокзале меня провожала довольно пестрая толпа "поклонников" – одноклассники, родственники. Было ощущение, что еду завоевывать мир. Кто-то из случайных прохожих-знакомых крикнул: "Лелик, куда едешь?" Я прокричал в ответ: "Еду учиться на тракториста!" Думаю, что из всей моей саратовской родни только один человек молился за то, чтобы я не поступил – баба Аня. Желая мне добра...»

Сцена из дипломного спектакля «Вишневый сад» А. П. Чехова. Олег Табаков в роли Пети Трофимова, Евгений Урбанский – Лопахина. Третий выпуск студентов Школы-студии МХАТ им. Вл. И. Немировича-Данченко. Руководитель – В. О. Топорков. 1957 год

Стоит отметить, что наш герой ехал в столицу с рекомендательным письмом от своего родственника, но в итоге вынужден был поступать в вуз на свой страх и риск, имея за плечами только учебу в провинциальном драмкружке. Экзамены он держал сразу в два творческих вуза – ГИТИС и Школу-студию МХАТа.

На вступительном экзамене герой нашего рассказа решил прочитать большой кусок из романа С. Злобина «Степан Разин». В этом отрывке был клич, который ему очень нравился: «Сарынь на кичку!» И кричал его Табаков с таким вдохновением, что это впечатляло слушателей. Хотя, что такое «Сарынь» и что такое «кичка», Табаков доподлинно не знал. Более того,

кичкой он считал некий предмет... женского туалета. Он ассоциировался у него с «кикой», которую носила сватья баба Бабариха.

Вторым отрывком он выбрал сцену из другого известного романа – «Молодая гвардия» А. Фадеева. Тот самый, где были слова: «...мама, мама, я помню руки твои с того самого мгновения, как стал осознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он был чуть-чуть темнее на жилочках. И как же я любил целовать тебя прямо в эти темные жилочки...» Когда он его читал, великая мхатовка Алла Тарасова расчувствовалась.

Далее Табаков читал «Изгнанника» К. Симонова («...нет больше Родины, нет неба, нет хлеба, нет воды – все взято!»), а под конец выдал фрагмент из повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына», где мальчик, идущий на задание бороться против фашистов, подходит к ставням своего дома и видит, как мама штопает что-то... И заливается слезами, но не может, не имеет права зайти, сказать ей: «Здравствуй, мама!»

Так вышло, что Табаков благополучно прошел отбор в оба вуза (кто-то из приятелей его тогда так и назвал: «Везунок»). Однако свой окончательный выбор наш герой остановил на Школе-студии. Хотя какое-то время долго не мог привыкнуть к тому, что он стал студентом. У него на этой почве даже началась... депрессия. Он вставал утром и ревел басом, без всякой на то прямой причины. Ему уже стали приходиться в голову мысли, что он тронулся умом – стресс, истерия, ранняя стадия шизофрении. На самом деле эта депрессия была вполне естественной реакцией на произошедшую с ним метаморфозу. Представьте себе: мальчишка-провинциал попал в новую для себя среду, в новый ритм жизни. Ему с трудом верилось, что это не сон, что все это происходит действительно с ним. Надо было привыкнуть к мысли, что так оно и есть. Что это – свершившийся факт. В итоге он к этому привык. А помогла ему в этом... криминальная история, в которой оказался замешан его бывший товарищ по драмкружку, а тогда уже студент нефтяного техникума Слава Нефедов (отец Игоря Нефедова – будущего ученика Табакова, о котором речь у нас пойдет чуть позже). Что же натворил Нефедов-старший? Он... убил человека. Дело было так.

У Нефедова была фирменная кепка из букле, на которую внезапно покусился на улице Чапаева некий парень. Он стащил кепку с головы ее хозяина и хотел было дать деру. Но не успел. Нефедов нанес ему мощный хук справа, после которого воришка упал на землю и... умер. Нефедова, естественно, судили. Но, поскольку у него было безупречное прошлое и потому что за него заступились многие известные в Саратове люди (в том числе и его педагог по драмкружку Наталья Иосифовна Сухостав), Нефедова осудили условно.

Потрясенный этой историей, Табаков вышел из депрессии и больше к ней не возвращался.

Школа-студия

Табаков попал на курс, которым руководил Василий Осипович Топорков, которого студенты называли «дед Василий». Читаем его биографию, выложенную в Википедии:

«Василий Осипович Топорков (1889–1970) – советский актёр театра и кино, театральный режиссёр, педагог. Народный артист СССР (1948). Лауреат двух Сталинских премии первой степени (1946, 1952).

Василий Топорков родился 4 (16) марта 1889 года (по другим источникам – 5 (17) марта 1889 года) в Санкт-Петербурге.

В юности пел в Придворной певческой капелле. В 1907 году был принят на Драматические курсы при Александринском театре. В 1909 году окончил Петербургское театральное училище (класс Степана Яковлева).

На театральную сцену вышел впервые в 1909 году играл в театре Литературно-художественного общества (Суворинский театр) (Санкт-Петербург).

В начале Первой мировой войны призван в армию и направлен на фронт. В сентябре 1914 года попал в плен, где провел более четырёх лет.

В 1919–1927 гг. – актёр в театре Корша в Москве. Играл главным образом характерные, часто комедийные роли. С 1927 года работал во МХАТе, где подготовил под руководством К. С. Станиславского к роли Ванечки в "Растратчиках" В. П. Катаева и Чичикова в "Мёртвых душах" по Н. В. Гоголю.

Топорков – актёр широкого творческого диапазона, блестящий мастер внешнего и внутреннего перевоплощения. Игра актёра отличалась предельной органичностью, острым, выразительным внешним рисунком. Игравший после возобновления "Дней Турбиных" роль Мышлаевского, он заслужил от М. А. Булгакова похвалу: "...Мне кажется, что Топорков моего Мышлаевского лучше понял", "Топорков играет Мышлаевского первоклассно". Сочетание беспощадности психологического анализа и легкости, изящества комедийной формы продемонстрировал Топорков в роли одураченного, доверчивого Оргона в пьесе "Тартюф" (1939). Образ страстного мечтателя, человека высокой принципиальности и чистоты Василий Осипович создал, играя роль председателя горисполкома коммуниста Береста в спектакле "Платон Кречет" (1935).

С 1939 года занимался режиссурой. Режиссёр-постановщик спектаклей "Последние дни", "Тартюф" во МХАТе СССР имени М. Горького; "Азорские острова" и "Весенний смотр" «в Московском театре Сатиры.

Топорков являлся одним из последовательных учеников Станиславского, активно пропагандировал его систему, являлся автором книг "Станиславский на репетиции", "О технике актера" и статей об учении Станиславского. Преподавал в студии А. Д. Дикого и в Школе-студии МХАТ (с 1948 года профессор), в частности вместе со своим учеником П. М. Ершовым, признанным продолжателем развития "системы Станиславского".

Являясь одним из крупнейших театральных педагогов своего времени, он магически владел мастерством и личной актерской практикой давал студентам больше, чем объяснениями на занятиях. "Для меня В. О. Топорков был больше, нежели только учитель, – говорит Олег Табаков. – Он доверял мне. Такое доверие мастера льстило и как бы окрыляло. Я начал ощущать уверенность в себе и все более увлекался тем, что ныне называю технологией профессии".

Учениками Василия Осиповича Топоркова в школе-студии МХАТ являются В. И. Гафт, Л. К. Дуров, О. Н. Ефремов, О. П. Табаков, Е. Я. Урбанский. Тепло вспоминали занятия педагога А. А. Гончаров, Н. П. Караченцов и другие известные театральные деятели.

Василий Топорков скончался 25 августа 1970 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище (участок № 7)...»

Как вспоминает О. Табаков:

«Для меня Василий Осипович был больше, нежели только учитель. Он как-то по-мужски доверял мне. Как я это понимаю сейчас, любой педагог невольно выделяет учеников, которые напоминают ему его самого, бессознательно идентифицирует себя с этим учеником, возникает особая связь. Так, очевидно, и было у меня с моим учителем. Он как-то соотносил свой опыт с моей неопытностью. На репетиции, сидя в темном зале, мог вдруг задать тихим шепотом чисто "мужской" вопрос о той или иной девушке: мол, что ты думаешь об определенных ее качествах? По тем временам это было необычным, почти вызывающим поступком. Такое доверие мастера льстило и как бы окрыляло. Оно уравнивало меня, актера-ученика, с актером-учителем, хотя бы на бытовом уровне...»

На курсе, набранном Топорковым в 1953 году, училось почти два десятка студентов. Некоторые из них стали очень известными актерами, некоторые таковыми так и не стали. Начнем с первых. Про Олега Табакова мы уже знаем. Далее следуют Валентин Гафт (лучший друг Табакова в Школе-студии), Евгений Урбанский, Майя Менглет (в нее одновременно были влюблены и Табаков, и Гафт), Владимир Паулус (он потом будет играть с Табаковым в театре «Современник»), Эмиль Лотяну (после второго курса его переведут во ВГИК, и он станет очень известным режиссером – снимет такие фильмы, как «Табора уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь», «Анна Павлова» и др.).

Среди менее известных сокурсников Табакова: Лариса Качанова (станет актрисой МХАТа), Галина Барышева (станет преподавателем в ЛГИТМиКе), Валентина Левенталь (попадет в труппу ленинградского БДТ), Виктор Рухманов (артист Театра сатиры), Игорь Заде-рей (уедет работать в Новосибирск), Валентина Кузнецова (уедет работать в Севастополь), Анатолий Кириллов, Алексей Малышев, Сусанна Серова, Нина Заварова и др.

На тот момент одной-единственной суперзвезды в Школе-студии не было, а был целый небосклон звезд. Например, Михаил Зимин, Леонид Губанов, Олег Анофриев и Лев Дуров, которые учились на четвертом курсе.

На третьем курсе «грызли гранит науки» Галина Волчек, Леонид Броневой, Светлана Мизери, Людмила Иванова, Ирина Скобцева, Игорь Кваша. На втором – Олег Басилашвили, Татьяна Доронина, Виктор Сергачев, Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, который щеголял в небывалой красоты пиджаке, перекупленном у Эмиля Лотяну (это был «контрабандный» румынский товар, привезенный из Молдавии).

Кстати, именно Козаков в те годы, познакомившись с героем нашего рассказа, написал на него шутивную эпиграмму: «Много видел мудаков, но таких, как Табаков...»

Чуть позже другой эпиграммы удостоится Табаков и от своего приятеля Валентина Гафта:

Худющий, с острым кадыком,
В солдаты признанный негодным,
Он мыл тарелки языком,
Поскольку был всегда голодным...

Между тем уже после первого семестра Табаков навлек на себя гнев руководства Школы-студии. Почему? Он очень плохо (безыдейно) написал экзаменационное сочинение. Из-за этого его лишили стипендии, а заодно и общежития. На помощь пришла мама, которая все три года обучения сына будет высылать ему по 500 рублей, вкалывая на двух работах. Однако после второго семестра дела у Табакова пошли на лад – он вернул себе обычную стипендию (220 рублей), а чуть позже и повышенную (450 рублей).

Нашел наш герой и жилье. Причем опять помогли родственники – в данном случае его сводная сестра Мирра. У ее супруга был приятель, снимавший угол в большой квартире на

третьем этаже дома в Большом Харитоньевском переулке. Вот туда-то и был определен на подселение наш герой, который арендовал в этом углу... раскладушку. За какие-то смешные 10 рублей в месяц.

Самое интересное, в ста метрах от этого пристанища находился угольный подвал, в котором через двадцать пять лет Олег Табаков откроет свою студию, названную в его честь «Табакеркой». Вот такое совпадение!

А место в общежитии Табаков вернет себе во втором семестре. Общежитие располагалось на Трифоновской улице и промежду своих носила название «Трифобага», по аналогии с названием популярного фильма «У стен Малапаги» (1948) с Жаном Габеном в главной роли.

Табаков делил комнату еще с четырьмя ребятами: Борисом Никифоровым, Игорем Налетовым, Николаем Сивченко (все со старших курсов) и Владимиром Поболем (со 2-го курса). Как вспоминает сам О. Табаков:

«Трифобага была товариществом, радостным сообществом. Ни одной серьезной ссоры не помню: все – по совести. По воскресеньям варился свекольник из банки: огромная кастрюля на всех, куда бросалось граммов сто густой сметаны. Все это выгребалось за день. На второе – пельмени или банка зеленого горошка с полпачкой маргарина. Или кукуруза, тогда еще здравствовавшая, пока ее не стал высевать по всей площади Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев.

Мне приходили посылки из Саратова, которые потрошились порой даже без моего участия. Особенно в этом преуспевал Толя Кириллов, на все претензии отвечавший: "Ничего, в стипендию отдам шоколадом"...

В Школе-студии Табаков играл сплошь положительные роли. Среди его героев были: Петя Трофимов из «Вишневого сада», моряк Федя в пьесе А. Володина «Фабричная девчонка» и др. Однако были и исключения. Например, он прекрасно сыграл Хлестакова в нескольких эпизодах из спектакля «Ревизор». После этого один из преподавателей заметил, что в Табакове до сих пор дремал прекрасный комедийный актер.

Муки новой любви, или В клане Серовых

Уже после первого курса произошло радостное событие – Табакову поставили по мастерству оценку «отлично». И хотя в душе наш герой и надеялся, что его не отчислят за неспособность, но после поставленной авансом оценки у него появилось ощущение, что он встал в общий строй и что имеет право на занимаемое место в этом раю.

Однако не только учеба занимала тогда мысли Табакова. Он снова с головой окунулся в муки новой любви. Причем его угораздило влюбиться (это случилось на втором курсе) в представительницу клана художника Валентина Серова (1865–1911) – Сусанну Серову, которая, как мы помним, была его однокурсницей по Школе-студии. Причем она была замужем, но ее супруг – Дмитрий Серов – в ту пору находился в Китае и учил пианистическому искусству китайских собратьев (разрыв с Китаем произойдет чуть позже – в начале 60-х). Это сильно упрощало деятельность Табакова на любовном поприще. Правда, это была не физическая, а платоническая любовь.

В конце зимы 1955 года у Табакова внезапно началась ангина, которая стала поводом к тому, чтобы Серовы (а это был целый клан) заставили нашего героя покинуть «Трифопагу» и переехать к ним – в пятикомнатную квартиру на Большой Молчановке, дом 18. В этом роскошном жилище Табаков проживет... несколько лет. По его же словам:

«Так я стал одним из многочисленных приживалов дома Серовых. Говорю об этом буквально, потому что там меня кормили, окружали вниманием, заботой, лаской...»

Театр-студия «Современник»

Закончив Школу-студию в 1957 году, Табаков был зачислен в труппу драматического театра имени Станиславского и должен был играть там роль князя Мышкина в «Идиоте» (роль Рогожина досталась Евгению Урбанскому). Однако пребывание Табакова в труппе этого театра оказалось недолгим. Вместе с сокурсниками по Школе-студии он годом раньше организовал при МХАТе «Студию молодых актеров» (с 1958 года – театр-студия «Современник»). Это был первый в послевоенной истории страны театр, рожденный свободным творческим объединением группы единомышленников и сумевший отстоять себя как целостный художественный коллектив. Возник он не случайно, а на волне той самой «оттепели», которую задумал еще Сталин. Правда, проживи он еще пяток-другой лет, вряд ли эта «оттепель» приобрела бы столь либеральные очертания и заложила бы основы к будущему разрушению СССР. Думается, и «Современник» вряд ли бы стал тем театром, каким его сделал Ефремов, опираясь на антисталинизм того времени. Именно последнее и родило на свет тот спектакль, с которым дебютировала «Студия молодых актеров» – «Вечно живые» Виктора Розова. Но расскажем обо всем по порядку.

Один из основателей этой студии – Олег Ефремов – с 1949 года был преподавателем в Школе-студии МХАТ Сам Художественный театр в те годы уже переживал кризис идей. Как итог: в начале 50-х билеты во МХАТ уже продавали «в нагрузку» к оперетте или цирку. Как писала критик И. Соловьева о молодых актерах МХАТа, пополнивших труппу в конце 40-х:

«Набиравшие сценический опыт во "Второй любви" Елизара Мальцева, в "Чужой тени" К. Симонова, в "Заговоре обречённых" Н. Вирты, в "Зелёной улице" А. Сурова, в "Залпе Авроры" М. Чиаурели и М. Большинцова, молодые актёры приучались к органичности без заботы о правдивости. Органичность без правдивости, органичность во лжи – поругание души МХТ, извращение его наследственной техники. Для тех, кто втянулся, возврата, в общем-то, нет...»

Репертуар строился так, что каждый спектакль не замечал соседства, тем более не считывал на него, на какую-то переключку нравственных и художественных мотивов, на какое-то развитие мыслей, взглядов на жизнь или искусство. К постановкам нередко привлекались непрофессиональные режиссёры – ведущие актёры театра. МХАТ терял зрителя, тем не менее, превращенный ещё в конце 1930-х годов в эталон и образец для подражания, он по-прежнему оставался вне критики, что усугубляло ситуацию...»

XIX съезд КПСС (октябрь 1952-го) как раз намечал контуры будущей перестройки советской идеологии (в том числе и в области театра: например, были сняты табу с сатирических пьес М. Салтыкова-Щедрина, В. Маяковского и др.). Но Сталин умер, и эта перестройка приняла несколько иные формы, чем планировалось при живом «вожде народов». Началось постепенное освоение тем, которые ранее считались запретными. Эти темы особенно манили молодежь, а она всегда настроена революционно. Именно на такую молодежь и решил опираться Ефремов, который и сам ходил в молодых (в 1955 году ему исполнилось 28 лет). У Ефремова и его единомышленников возникает идея о собственном театре-студии, который бы «реанимировал» устаревший МХАТ. Среди этих единомышленников были: Галина Волчек (некоторые утверждали, что она в ту пору была возлюбленной Ефремова) и Игорь Кваша (оба они в 1955 году окончили Школу-студию МХАТ, курс А. Карева и Е. Морес), Лилия Толмачева (бывшая супруга Ефремова, которая тогда работала в Театре имени Моссовета), Виктор Сергачев (в 55-м он учился на 4-м курсе Школы-студии МХАТ, курс П. Массальского), Евгений Евстигнеев (однокурсник Сергачева).

Была выбрана соответствующая пьеса – «Вечно живые» В. Розова. По тем временам – пьеса-бомба. Почему? В ней впервые в советской драматургии главным героем была девушка

(Вероника), которая, проводив любимого человека на фронт, не смогла его дождаться – получив известие, что он пропал без вести, она очень быстро выходит замуж за его двоюродного брата, который оказывается подлецом. Отметим, что пьеса была написана в разгар войны – в 1943 году, в Костроме, но тогда так и не вышла на подмостки, запрещенная цензурой. По словам В. Розова: «Я отнес пьесу в ЛИТ, где получил милый отказ. Старичок – работник ЛИТа – сказал: "Читал, товарищ Розов, вашу пьесу, плакал, но запрещаем". Я ушел довольный, так как старичок плакал».

Самое интересное, но в начале 50-х пьеса все-таки была поставлена – в Костромском театре. А потом она попала в руки Ефремова, который был знаком с Розовым еще по его спектаклям, шедшим на сцене ЦДТ («Ее друзья», «Страницы жизни»). Именно «Вечно живых» Ефремов и решил поставить в 1955 году, положив его в основу своего будущего театра. Причем Розов специально несколько переработал пьесу, сняв мелодраматические акценты, оказавшиеся неуместными в постановке Ефремова. Вот как выглядел сюжет этой легендарной пьесы.

Ее действие начиналось в Москве 3 июля 1941 года, когда по радио передают сообщение СовИнформБюро: «Наши войска ведут упорные бои»... Борис Бороздин, несмотря на бронь, уходит добровольцем на фронт, заявив: «Если я честный, я должен». Причем уходит он накануне 18-летия своей невесты Вероники Богдановой, которую он зовёт Белкой. Борис оставляет ей в подарок игрушку – белку с орешками, под которыми спрятана записка; но Вероника, сохраняя даже орешки как память о Борисе, записку не находит.

Вскоре Борис на фронте пропадает без вести, а Вероника, потеряв родителей и кров, с отчаяния выходит замуж за двоюродного брата своего возлюбленного – Марка, но этот брак не становится для неё утешением. В то время как одни сражаются на фронте или круглосуточно оперируют раненых, как отец Бориса – доктор Бороздин и его дочь – Ирина, другие умудряются наживать на общей беде. В доме Монастырской собирается «избранное общество» – люди, прекрасно приспособившиеся к войне. В этом доме бывает и Марк, влюблённый в Монастырскую: посредственный пианист, он всеми правдами и неправдами откупается бронью от призыва в армию. Он дарит Монастырской игрушку Вероники, и таким образом находится записка Бориса, которая побуждает Веронику решительно порвать с Марком.

К Анне Михайловне Ковалевой, в доме которой в эвакуации живут Бороздины, приезжает в отпуск по ранению сын Владимир; не догадываясь о том, кто его соседи, он рассказывает о своём однополчанине Борисе, который свою любимую девушку называл Белкой, – от него Бороздины узнают, что Борис погиб на фронте.

Актеры театра «Современник» Людмила Иванова и Олег Табаков. 1958 год

У старого здания театра «Современник» на площади Маяковского. Начало 1960-х годов. В репертуаре – спектакль «Вечно живые» по пьесе В. Розова

После эвакуации Бороздины возвращаются в Москву, с ними Анна Михайловна и Володя. Марку дают понять, что его присутствие в доме нежелательно. Володя влюблён в Веронику, но она просит его не требовать от неё ответа: она всё ещё помнит Бориса и любит его. За окнами начинается салют в честь перехода советских войск через германскую границу.

Самое интересное, но руководство МХАТа не захотело, чтобы эта пьеса попала на его подмостки (видимо, понимало ее «взрывоопасность»). Но выручил Ефремова и Ко их педагог по Школе-студии Виталий Яковлевич Виленкин. Он уговорил мхатовских «стариков» разрешить молодым артистам репетировать по ночам на сцене Школы-студии. И дело завертелось.

Будущие современниковцы работали как одержимые, до трех-четырех часов утра, а если и этого времени не хватало, тогда они шли к кому-нибудь домой, закрывались на кухне и еще раз, вполголоса, чтобы не разбудить домочадцев, оттачивали очередной отрывок пьесы. Спали как придется – урывками, после чего шли работать в свои театры.

Между тем в спектакль «Вечно живые» Табаков вошел не сразу. Первоначально роль студента Миши досталась Леониду Харитонову – настоящей киношной звезде тех лет. Но именно из-за своей загруженности в кино Харитонов вскоре с дистанции сошел, после чего Ефремов и предложил эту роль Табакову. Его единомышленникам выпало сыграть следующих героев: О.

Ефремов перевоплотился в Бориса, Г. Волчек – в Нюрку-хлеборезку, И. Кваша – во Владимира, Л. Толмачева – в Ирину, В. Сергачев – в Анатолия Кузьмина (сослуживец Бориса), Е. Евстигнеев – в Николая Николаевича Чернова (администратор филармонии).

На остальные роли были приглашены следующие актеры: Михаил Зимин (актер МХАТ) – Фёдор Иванович Бороздин, Светлана Мизери (супруга Зиминой, в 1955 году окончила Школу-студию МХАТ, курс А. Карева и Е. Морес) – Вероника, Любовь Студнева (актриса Ленинградского ТЮЗа) – Варвара Капитоновна, Галина Степанова (актриса ЦДТ) – Анна Михайловна Ковалева, Николай Пастухов (актер Театра Советской Армии) – Степан (товарищ Бориса), Елена Милиотти (первокурсница Школы-студии МХАТ) – Даша (сослуживица Бориса), Лариса Качанова (третьекурсница Школы-студии МХАТ) – Люба (сослуживица Бориса), Антонина Елисеева (актриса ЦДТ) – Антонина Монастырская, Карина Филиппова (второкурсница Школы-студии МХАТ) – Варя (работница мыловаренного завода).

В 1955 году шли репетиции «Вечно живых», а 15 апреля следующего года, спустя почти два месяца после XX съезда КПСС (кстати, тогда же «Вечно живые» вышли и в Ленинграде, в драматическом театре имени В. Ф. Комиссаржевской, где в роли Вероники блистала Эмма Попова)... Как вспоминают очевидцы:

«Спектакль шел на крохотных учебных подмостках на площади Маяковского в полночь. Зрителями первого спектакля от "Студии молодых актеров" стали студенты московских вузов. Закончился спектакль около 4 часов утра. Когда актеры ушли в гримерку, из зала прибежал человек: "Срочно все идите в зал! Там люди отказываются расходиться! Они хотят говорить с вами, обсуждать спектакль!" Артисты вернулись в зал. Зрители горячо поддержали студийцев: "Вы не должны расходиться, потерять друг друга!!! Это будет театр нашего поколения!!! Вы должны его создать во что бы то ни стало!"

Те, кому посчастливилось видеть первые спектакли студии, говорили об этом с восторгом. В стране началась "оттепель". Академический театр этого времени не готов был разговаривать со своим зрителем. "Студия молодых актеров" в этом диалоге, по сути, существовала. Критики моментально обрушились на нее. Обвиняли в инакомыслии, в искажении смысла событий. Но билеты расхodziлись, едва поступив в продажу, и за три часа до спектакля купить билеты в театр можно было только по тройной цене. Поход в Москве в "Студию молодых актеров" стал знаком культуры и интеллигентности...»

После этого успеха директор МХАТа Александр Васильевич Солодовников разрешил по выходным дням играть спектакль на сцене филиала театра – на улице Москвина.

При МХАТе «Студия молодых актеров» просуществовала всего несколько месяцев – до третьей премьеры, которой была пьеса Э. де Филиппо «Никто» (здесь Табаков исполнил сразу три роли: богатого американского туриста, уличного продавца напитков и фельдшера). Этот спектакль и переполнил чашу терпения стариков из МХАТа. Студийцев уличили в «левачестве», попрании традиций, и новый коллектив вынужден был отпочковаться и уйти в свободное плавание. После четырех лет скитаний по разным углам «Студия молодых актеров» наконец получила собственное здание на площади Маяковского.

Каким был Олег Табаков в 50-е годы? Вот что вспоминает его коллега по театру И. Кваша:

«Табаков и в те годы любил поесть. О, это была не любовь, а настоящая страсть... Он ведь всегда делал запасы. Даже когда у него не было квартиры и он снимал комнату. И мы, вечно голодные, совершали на них налеты. Происходило это так: мы входили к нему в комнату. 2–3 человека его держали, и кто-нибудь искал запасы под шкафом, за шкафом. Находили. Доставали. Вскрывали на его глазах. И все это сжиралось на его глазах. Он орал на нас (это же страшно, когда отнимают любимое). Только после этого его отпускали. У него всегда были вкусные компоты и консервы.

А однажды на гастролях Ефремов заболел. Ему прислали мед с лимоном и что-то там еще вкусное. А так как Ефремов встать не мог, то каждый день Табаков приходил к нему в комнату, вскрывал шкаф и на глазах больного начинал есть это "целебное". Олег кричал: "Уйди, оставь, это мне мама прислала" а Лелик (так мы его называли), чавкая и смакуя, съедал несколько ложечек и уходил. Потом приходил на следующий день.

Надо сказать, что у него были термины, главный из которых – еда качественная и некачественная. Бывало, спросишь: "Лелик, качественная еда в этом ресторане?" В точности ответа можно было не сомневаться...»

Дебют в кино со скандалом

С переходом на третий курс Табаков стал заниматься профессией более осмысленно, делово и взросло. Он стал получать повышенную стипендию – 450 рублей. Тогда же наш герой дебютировал на Всесоюзном радио, куда его привел знаменитый диктор, главный редактор детской редакции Николай Владимирович Литвинов.

На третьем курсе (1955–1956) произошел и другой поворот в жизни Табакова – он начал сниматься в кино (параллельно играя и в спектакле «Вечно живые»). Это был фильм «Саша вступает в жизнь», или «Тугой узел», режиссера Михаила Швейцера. Впрочем, дебют Табакова в кино мог состояться чуть раньше – еще в конце первого курса, когда он активно посещал пробы на столичных киностудиях «Мосфильм» и имени Горького. Его приглашали на главные роли в картины «Сын» Юрия Озерова и «Павел Корчагин» Александра Алова и Владимира Наумова. Но каждый раз руководство Школы-студии МХАТ запрещало своему студенту сниматься в кино. В итоге в «Сыне» главную роль исполнил Леонид Харитонов, а в «Павле Корчагине» – Василий Лановой.

Но вернемся к дебюту Табакова в кино. В фильме «Тугой узел» (киностудия «Мосфильм») по одноименной повести Владимира Тендрякова у него была главная роль – Саша Комелев. Сюжет у фильма был следующий. Председатель колхоза Гмызин как может помогает Саше Комелеву, сыну недавно умершего секретаря райкома партии. Юноша поступает на заочное отделение института и начинает работать в колхозе. Появляется у него и любимая – черноглазая Катя... Новый секретарь райкома Мансуров сначала зажигает всех своей энергией, стремлением вывести район в передовые. Но вскоре многие осознают, что руководствуется он не уважением к людям, а лишь собственным честолюбием.

Стоит отметить, что Табакова ни за что бы не отпустили сниматься из Школы-студии, если бы не хитрость Софьи Милькиной – супруги Михаила Швейцера. Это она придумала следующий ход: предложила ректору Школы-студии Вениамину Захаровичу Радомысленскому сделать фильм совместным проектом «Мосфильма» и Школы-студии. И задействовать в главных ролях студийцев: Олега Табакова и его однокурсника Евгения Урбанского (секретарь райкома Павел Мансуров). Проект был запущен, но затем вышла оказия: худсовет... забраковал Урбанского, назначив на роль более опытного Виктора Авдюшко. А поскольку все было уже «на мази», разрывать «контракт» Радомысленский не стал – довольствовался одним Табаковым в главной роли. Далее послушаем его собственный рассказ:

«У меня до сих пор хранится обрывок старой телеграммы, присланной мне директором картины: "Поздравляю утверждением роль Начало съемок тогда-то". Телеграмма пришла на мой саратовский адрес, на улицу Большую Казачью, что вызвало в лагере родственников и знакомых легкое землетрясение баллов в шесть...

Натура снималась в селе Красном Костромской губернии, славившемся в основном финифтью и поделками из серебра. Кроме того, там располагалось большое колхозное молочное стадо. Для того чтобы снять эпизод, где коровы падали от бескормицы, их тоже поили водкой, только в отличие от людей они принимали на грудь не стакан, а ведро, а наиболее здоровые и талантливые из них выпивали полтора-два ведра, но даже и от этой дозы они, обладая недюжинным здоровьем, с трудом падали от "бескормицы".

Я отчетливо помню всю съемочную группу – оператора Алексея Темерина, директора картины Иосифа Бица, его заместителей Марьина и Кушелевича, мою первую гримершу Зину – людей, которых не существует на экране, но от которых зависит в конечном итоге успех дела. В кинематографе актер сидит на вершине пирамиды, куда входит целая армия профессионалов, и чем выше уровень их труда, тем менее он заметен. Судьба послала мне роскошный дар в

виде этой веселой и интеллигентной команды "профи" руководимой Швейцером и Софьей Абрамовной, моей крестной киномамой...»

Фильм снимался в 1956 году, вскоре после XX съезда КПСС, где Хрущев произнес доклад «О культе личности». Это выступление было настоящим шоком для миллионов советских людей, долгие годы веривших в гений Сталина. После выступления Хрущева у этих людей наступило разочарование. Коснулось оно и деятелей культуры, в том числе и Тендрякова с Швейцером. В итоге они сняли фильм, который вызвал резкое неприятие у коллегии Министерства культуры СССР. Она признала «Тугой узел» произведением идейно-порочным. Его авторам было указано на то, что «в фильме превалируют мрачные краски», что они «подошли к изображению советской действительности с неверных позиций, что в картине, по сути дела, содержится клевета на нашу действительность. В фильме неправильно освещена деятельность коммунистов. Руководящие партийные работники области и района показаны людьми, оторвавшимися от народа, от партии, тормозящими развитие колхозного строительства».

После нешуточного конфликта (за картину вступились режиссеры М. Ромм, Ю. Райзман, писатели К. Симонов, В. Овечкин) и многочисленных пересъемок с заменой актера и устранением героя-бюрократа картина вышла в ограниченный прокат 21 октября 1957 года под названием «Саша вступает в жизнь», однако фактически она была положена на «полку». В 1988 г. фильм был восстановлен в изначальном виде и выпущен под названием «Тугой узел». Так что громкого дебюта у Табакова тогда не получилось.

Несостоявшаяся «Матросская тишина»

Итак, первым спектаклем «Студии молодых актеров» были «Вечно живые» В. Розова. После чего следующей постановкой опять должна была стать розовская пьеса – «В поисках радости». Но часть труппы сочла ее слишком «соцреалистичной» – из разряда «розовые сопли» (про советских абитуриентов, стоящих перед выбором жизненного пути). Молодым актерам захотелось чего-нибудь серьезного, да еще с политическим подтекстом. Благо политика тогда была в фаворе – «оттепель» продолжалась. И тут на горизонте как раз «нарисовалась» пьеса «Матросская тишина» А. Галича.

Это была пьеса из еврейской жизни. В центре повествования (время действия – 1929, 1937, 1944 и 1955 годы) – судьба Абрама Шварца, старого еврея из провинциального городка Тульчина, и его сына Давида. Последний уезжает в Москву учиться в консерватории и становится известным скрипачом. У него начинается новая жизнь, в которую внезапно врывается его отец, приехавший к сыну из провинции. И отпрыск своего родителя-провинциала одновременно и любит, и ненавидит. Основная канва пьесы развивается на истории Давида: его взрослении не только физическом, но и духовном, нравственном.

Пьеса была начата в 1945 году, а закончена в 1956 году, вскоре после XX съезда КПСС. Тогда же ее она получила «лит» в Ленинграде, то есть была разрешена цензурой. И вскоре оказалась в «Студии молодых актеров», которая считалась театром *проеврейским*. Евреям тогда все сочувствовали как жертвам не только фашистского геноцида, но и сталинского террора. Хотя при этом затушевывалось, что значительная доля руководителей сталинского НКВД были именно евреями. Даже ГУЛАГ в 1930–1938 годах возглавляли сплошь люди этой национальности: Ф. Эйхман (1930–1932), Л. Коган (1932–1937), М. Берман (1937), И. Плинер (1937–1938). Затем ГУЛАГ перешел в руки людей с русскими фамилиями.

В конце 50-х в среде либеральной интеллигенции были очень популярны стихи Е. Евтушенко:

Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
 как еврей,
и потому — я настоящий русский!

Но еврейская тема всегда имела большое значение для политики, творимой в СССР. Евреи имели «большой зуб» на Сталина, поэтому почти все поголовно в годы оттепели состояли в рядах антисталинистов. После XX съезда КПСС в их рядах начался закономерный процесс давления на хрущевское руководство, с тем чтобы оно признало евреев жертвами сталинской политики и позволило им снова занять достойное место в «верхах», как это было в СССР в 1917–1937 годах. К этому процессу в 1956 году подключилось и международные еврейские круги. Именно в этот период и получила «лит» пьеса «Матросская тишина». И начались ее репетиции в «Студии молодых актеров», в концертном зале в гостинице «Советская» на Ленинградском проспекте. Почему именно в «Студии»? Как уже говорилось, этот театр в неофициальных кругах значился как либеральный, проеврейский. Его костяк (Игорь Кваша, Галина Волчек, Олег Ефремов) был вхож в компанию драматурга Александра Штейна (зятя Квашы с 1956 года – тот был женат на падчерице Штейна Татьяне Путиевской, дочери художника кино и театра Семена Манделя). Штейн был дважды лауреатом Сталинской премии, автором пьесы «Пролог» (1935), где одним из героев был Сталин. Но в годы хрущевской «оттепели» Штейн выбросил «вождя народов» из своего произведения, чтобы пьеса снова была постав-

лена в театрах страны. А в 1956 году, на волне XX съезда, Штейн написал пьесу «Гостиница «Астория», где вновь внес свою лепту в антисталинскую строку. В либеральных кругах эта пьеса весьма ценилась (в Москве ее поставил в Театре Маяковского Н. Охлопков).

Компания будущих «современниковцев» собиралась на двухэтажной даче Штейнов в Переделкине. Вот как это описывает дочь писателя В. Кожевникова – Надежда (кстати, у писателя была еще одна дочь, тоже родная, а также дочь от первого брака – Ирина Мазурук, которая тогда была женой Олега Ефремова):

«Дом Штейнов и был средоточием слухов-шептаний, хотя крамола в них отсутствовала, а скорее ну просто выпускались пары. Хозяевам, как и гостям, было что терять. Но Штейны особенно тем притягивали, что никого ни за что не осуждали.

В этой кажущейся неразборчивости действовал механизм, безупречно отлаженный, проверенный и основанный на, скажем, гибкости, характерной для так называемых культурных слоев. Впрочем, понятно: иметь убеждения, открыто их высказывать требовало либо героизма, либо упрямства, когда все сомнения в зародыше убивались в самом себе.

Режим всех принуждал к подчинению, но одни становились в известную позу с видом жертвы, а другие, мой отец например, так держались, будто им это нравится, они-де удовольствие получают, корежа свою личность, свой талант.

Вот причина, как мне представляется, по которой Кожевников дистанцировался от Штейнов. Ведь иначе следовало бы разделить и униженность, подневольность, в той среде не только не утаиваемые, а декларируемые с вызовом, как единственно возможный протест...

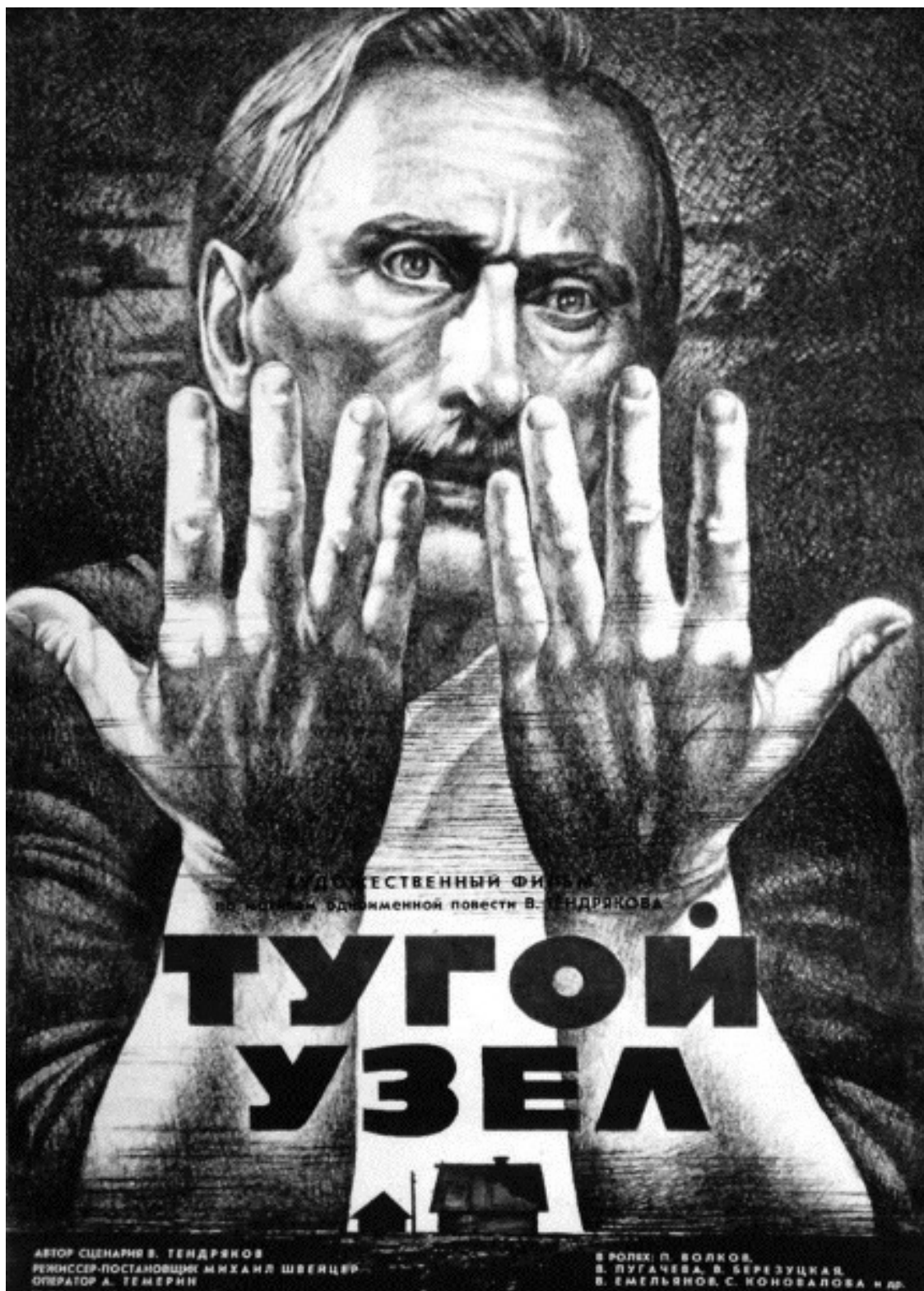
Штейны с удивительной грациозностью балансировали: сами не рисковали, но привечали гонимых (и не гонимых тоже), умудряясь прослыть вольнодумцами, казалось бы, очевидному вопреки.

Александр Петрович пьесы писал исключительно правого содержания, зять его, Игорь Кваша, снимался в роли вождя мирового пролетариата Карла Маркса, но на их репутации в либеральном кругу это не отражалось. Сливки творческой интеллигенции, такие, скажем, как поэтическая небожительница Ахмадулина или пламенный трибун Ефремов, не морщились, не брезговали бывать завсегдатаями на посиделках у Штейнов. Такая эпоха: компромиссы являли основу существования. Их понимали, прощали. А вот цельность изображать, наверное, не следовало, как это пытался делать мой отец...»

Отметим эти слова: «цельность изображать не следовало». Цельные люди из среды творческой интеллигенции (вроде писателей В. Кожевникова или В. Кочетова) либералами отторгались и третировались, поскольку либералы исповедовали иной принцип отношений с властью – с трибун (или со сцены) хвалить ее, а в своем узком кругу – презирать и ненавидеть. И всегда держать фигу в кармане. И чем больше фиг удавалось протащить либералам в своих произведениях, тем выше был их рейтинг в собственном кругу.

Итак, в «Студии молодых актеров» взялись ставить пьесу драматурга-еврея А. Галича «Матросская тишина». Вот как об этом вспоминает Игорь Кваша, игравший в спектакле роль сына – Давида:

«У нас в руках была пьеса "В поисках радости" В. Розова. Но нам казалось, что это слишком привычная стилистика, что мы не сможем что-то свое с помощью этой пьесы сказать. Ефремов дал нам 10 дней, чтобы найти пьесу. Кто-то принес "Матросскую тишину", которая всем безумно понравилась. Решили делать ее.

Афиша фильма «Тугой узел» (реж. М. Швейцер). 1956 год

Но долго даже с первых реплик не могли сдвинуться. Все искали, как это должно быть. Первый период репетиций был очень подробный, жутко мучительный, но очень радостный, потому что мы понимали, что находим что-то свое. Конечно, нас вел Ефремов, предлагал методику, путь, но работали все вместе. Все сидели на репетиции. Независимо от того даже, занят ты в пьесе или нет. Потому что был поиск. Каким языком мы хотим говорить, что мы хотим сделать на сцене. Хотелось сказать со сцены правду... У нас был тогда термин – мы его у

Немировича-Данченко взяли: "мужественная простота". Как воплотить это на сцене? Что он имел в виду? В "Матросской тишине" мы пытались это понять и добиться этой "мужественной простоты"...

Роль Абрама Шварца – отца Давида – была если не лучшая, то одна из лучших ролей Евстигнеева за всю жизнь. Более того, единственная его по-настоящему трагическая роль. Самое поразительное тогда для меня было – как он сумел сыграть старого еврея! Я больше не видел, чтобы так играли! Как он сумел это ухватить? Он же из русской семьи, с завода. И мама у него такая же... Просто у него это рождалось из каких-то, может, случайных, мелких наблюдений... Что-то мы в этом спектакле нашли все вместе. Какую-то общую атмосферу правды, подлинности. Там все было настоящее – связи, проживание, какое-то очень глубинное прочтение. До такой степени настоящее, что мне до сих пор стыдно и больно, как будто я по-настоящему выгнал отца, понимаете? Но у Давида сильнее было желание карьеры, той жизни, которая уже сейчас настанет. Конкурс. На него, на Давида, ставят. Он хочет быть великим скрипачом. А тут приехал этот провинциальный еврей со своими примочками, со своим акцентом... и я не могу, чтобы это видели товарищи. Сейчас Чернышев придет (эта роль в спектакле досталась Олегу Ефремову. – *Ф.Р.*), а только что мой друг пострадал из-за отца. А тут вдруг вот это приехало. Я ведь его не знаю в новом качестве: что он перестал мухлевать, живет нормальной жизнью. Он совсем не нужен, я ведь живу совсем другой жизнью, все другое. Я другой совершенно... И вдруг из прошлого появляется это... Евстигнеев очень резко играл. Давид его любил – отец все-таки. Но и ненавидел – помнил, как тот приходил пьяный, жуткий. А в третьем акте, когда к умирающему Давиду является отец и рассказывает, как он погиб, на сцене был вагон, полки с ранеными. Мне кажется, мы очень точно передали атмосферу вагона, войны – мы же все ее знали, Гусев вообще весь фронт прошел, я мальчишкой перед ранеными в госпиталях выступал. И у нас получилось это передать на сцене. Именно военный вагон. Давид бредил, на соседней полке кричал что-то антисемитское раненый мальчик, которого играл Табаков, а потом все уходило в темноту, и Давид со Шварцем оставались в луче света. Я лежал на полке, он сидел рядом. И рассказывал – не в зал, а мне, Давиду. Даже сейчас спокойно вспоминать не могу, как он говорил, как их вели на расстрел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.